

Наталья КОРИНА

**ОБРАЗЫ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ
В ДНЕВНИКАХ АЛЬБЕРТА ШКАРВАНА 1896–1926 ГГ.**

**The Images of the Slavic peoples
in Albert Škarvan's Diaries from 1896–1926**

Abstract

The paper discusses the images of the Slavic peoples in Albert Škarvan's diaries from 1896 to 1926, first published in 2019. Albert Škarvan was a Slovak intellectual of the Austro-Hungarian Empire of the late 19th and early 20th centuries, the follower of L. Tolstoy's ideas and Christian religious philosophy. He produced philosophical reflections about the Slavic peoples of the Austro-Hungarian Empire (Slovaks, Czechs, and Serbs) in comparison with Russians and made an attempt to determine their historical mission and spiritual potential. His diaries contain many critical mentions as well as suggestions as to how to improve the situation of Slavic peoples, primarily of Slovaks, in the European dimension. This article is one of a series of papers on Albert Škarvan manuscripts.

Keywords: *Albert Škarvan, Diaries 1896–1926, Slavic peoples, national autostereotype, multilingualism*

Введение

Альберт Шкарван (1869–1926) принадлежит к плеяде незаурядных личностей рубежа XIX–XX веков, оставивших след в истории. Его деятельность развернулась на территории нескольких государств Европы, включая Австро-Венгрию, Россию¹, Великобританию, Швейцарию, а с 1918 года также Первую Чехословацкую Республику. Врач, писатель, переводчик, антимилитарист и толстовец, Шкарван был одной из ярких фигур своего времени² – одним из немногих глубоких и критически мыслящих последователей Л. Н. Толстого в Европе, религиозным философом и словацким патриотом (см. Рис. 1). Он принял толстовские идеи всем своим существом и всю жизнь их философски развивал и хранил.

¹ Отдельно следует напомнить об имперских масштабах тогдашних Австро-Венгрии и России, включавших в себя абсолютное большинство славянского мира.

² Подробности жизни и деятельности А. Шкарвана и характеристика его места в словацкой культуре излагаются по трудам А. Матъовчика [МАЇОВČÍК–СНМЕЛ 1977, МАЇОВČÍК 2014, 2015, 2017а, 2017б]. Необходимо отметить, что поскольку по политическим причинам А. Матъовчику несколько десятилетий было запрещено печататься под своим именем, его книги выходили под именами его друзей и под псевдонимом Михал Элиаш, поэтому цитируемый источник 1977 года дается под двумя именами – настоящего автора Августина Матъовчика и Рудольфа Хмеля, который написал к книге предисловие и «предоставил» для издания свое имя. В таком виде А. Матъовчик после реабилитации указывает выходные данные книги.

Рис. 1. Альберт Шкарван в словацком национальном костюме [ŠKARVAN 2019: 13].

Альберт Шкарван – типичный представитель новой словацкой интеллигенции. Образованные слои словацкого общества находились в XIX веке под сильным влиянием идей панславизма, которые в большой степени были сосредоточены на России: она служила своего рода духовным ориентиром славянским народам, не имевшим собственной государственности (одним из вдохновителей идеологии панславизма в Габсбургской империи был словак Павел-Йозеф Шафарик). Благодаря панславистам в Австро-Венгрию проникли идеи многих русских мыслителей. Альберт Шкарван относился к панславизму критически, однако на него оказало огромное влияние учение Л. Н. Толстого, проповедавшего христианский принцип непротивления злу насилием. Следуя идеям Л. Н. Толстого, Шкарван искал в христианстве выход из сложившейся историко-политической ситуации для словацкого народа и пришел к убеждению, что для изменения общества необходимо начать с себя, с собственного нравственного самосовершенствования, которое он считал возможным только через духовное перерождение. Именно в этом он видел и будущее славянских народов, прежде всего словацкого, и постоянно рефлексировал о духовном потенциале славян и их роли в истории Европы и мира. Эта рефлексия отражена в его литературно-полемиических трудах, но особенно ярко – в дневниках, которые будут предметом изучения данной статьи. Настоящий словацкий патриот (хотя сам он оценивал патриотизм как нехристианское и опасное явление – см. цитаты ниже), Шкарван постоянно сопоставлял словаков с другими этносами, пытаясь критически оценить их ментальность и место в истории, поэтому в его трудах присутствуют многочисленные характеристики «исторических соседей», по которым можно составить образы отдельных народов через призму его восприятия. Эти образы отражают богатое событиями и противоречивое время, в которое и о котором писал Шкарван – эпоху национального возрождения славян, буржуазных и социалистических революций, I мировой войны и последовавшего за ней геополитического передела мира. Нашей целью является воссоздание образов славянских народов рубежа XIX–XX веков по дневникам Альберта Шкарвана, представляющим собой ценное свидетельство-

ство современника о нравах и событиях этой турбулентной эпохи. Следует отдельно оговориться, что дневники и создаваемые в них образы славян будут рассмотрены вне контекста этнохарактерологических и прочих теорий, то есть исключительно как тексты, отражающие субъективное мировидение автора: их ценность заключается именно в «индивидуализации» истории, в ее преломлении через призму конкретной личности – Альберта Шкарвана.

1. Наследие Альберта Шкарвана

Альберт Шкарван оставил после себя разнообразное литературно-публицистическое наследие. Один из наиболее крупных его трудов – перевод романа Л. Н. Толстого «Воскресение» на словацкий язык, который является первым в истории переводом этого романа, поскольку делался прямо по рукописи Толстого и был издан спустя всего два месяца после выхода в свет самого романа. К сожалению, Шкарван как переводчик Толстого практически неизвестен, зато большой резонанс в обществе имел его отказ от военной службы по причине глубокого отвержения какого бы то ни было насилия, подробно описанный в его мемуарах «Записки военного врача» (*Zápisky vojenského lekára*), вышедших на русском (1898) и словацком (1920, переиздание 1991) языках. Последовательный приверженец принципа непротивления злу насилием, Шкарван был наказан за свои убеждения со всех сторон: австрийские власти посадили его в тюрьму, лишив диплома и всех званий, а сообщество деятелей словацкого национального возрождения под предводительством Светозара Гурбана-Ваянского изгнало его из своего круга за антимилитаризм, обвинив в отсутствии желания принести жертву за народ и сделать свой вклад в его достойное будущее. Не нашел он понимания и поддержки и у своих близких. Выйдя из тюрьмы, Шкарван вынужден был эмигрировать и большую часть своих трудов написал уже за границей, поэтому они были мало известны на родине. Однако именно взгляд издали способствовал более вдумчивой философской оценке событий и глубоким размышлениям об исторической миссии и духовном потенциале славян, в которых на первом месте, естественно, стоял его родной словацкий народ. Наиболее острые проблемы словацкого национального возрождения Шкарван проанализировал в полемическом труде «Словаки».³ Сопоставляя словацкую действительность с ситуацией других славянских народов, Шкарван выражает свои антимилитаристские взгляды, эволюцию которых наглядно документируют его дневники.

Наследие А. Шкарвана досконально изучил его «персональный биограф», многолетний директор Словацкого биографического института при Матице словацкой Августин Матьовчик. Именно ему принадлежит заслуга обнаружения дневников Шкарвана, долгие годы лежавших в забвении в Литературном архиве Словацкой национальной библиотеки под шифрами 22 L 1 и

³ Этот обширный труд, написанный для московского издательства «Посредник» (1904) и рецензированный Л. Н. Толстым, остался неизданным. Рукопись нашел и впервые опубликовал в 1969 г. в сборнике «Литературный архив» Ш. Колафа [KOLAFA 1969].

22 М 1. Благодаря усилиям А. Матьовчика они были расшифрованы, обработаны и в 2019 году опубликованы с переводами и комментариями, что позволило не только представить эти дневники широкой публике, но и лучше познать Альберта Шкарвана как личность и оценить его идеи.

2. Дневники А. Шкарвана

Свои дневники А. Шкарван начал вести в эмиграции и продолжал их до самой смерти. Они уникальны тем, что позволяют взглянуть на жизнь интеллигенции и простонародья в разных странах Европы глазами очевидца.

Будучи гражданином многонациональной и многоязычной Австро-Венгрии, Шкарван, как и большинство образованных славян империи, был полиглотом. Кроме родного словацкого, он свободно владел государственными языками – немецким и венгерским, латынью как языком образования и французским как культурным языком Европы, а также близкородственным чешским, который с XIV века был письменным языком словаков, а также языком словацкой протестантской церкви, имевшей сильные позиции в обществе.⁴ Вскоре к этому обширному языковому портфелю добавился русский язык, освоенный Шкарваном самостоятельно. Причину своего успешного обучения Шкарван объяснил в дневнике от 29.04.1921 г.: «Я очень легко и быстро выучил русский язык, потому что у меня было желание, а желание было потому, что в России и русской литературе для меня открывался интересный новый мир. Европейский дух был мне по сути своей чужд и был для меня если не мертвым, то по крайней мере холодным: он не приносил моей изголодавшейся и жаждущей душе никакой пищи, которая насытила бы ее. А русский гений учил меня смотреть вглубь себя, учил меня, как найти самого себя» [ŠKARVAN 2019: 378⁵].

Все активные языки Шкарвана присутствуют в его дневниках: русский, словацкий, венгерский и немецкий – как основные языки изложения, все остальные (к вышеперечисленным можно добавить маргинально выступающие греческий и английский) – в виде многочисленных цитат и отдельных высказываний. Всего в его дневниках присутствует 9 языков, а языки изложения нередко чередуются даже в пределах одной дневниковой записи (см. Рис. 2). Поэтому научное издание дневников потребовало не только расшифровки рукописного текста на всех этих языках, но и перевода всех иноязычных частей на словацкий язык.

Мне посчастливилось участвовать в этом проекте в качестве дешифратора и переводчика русских фрагментов, и после знакомства с рукописью я пополнила ряды энтузиастов, исследующих разнообразное наследие Альберта

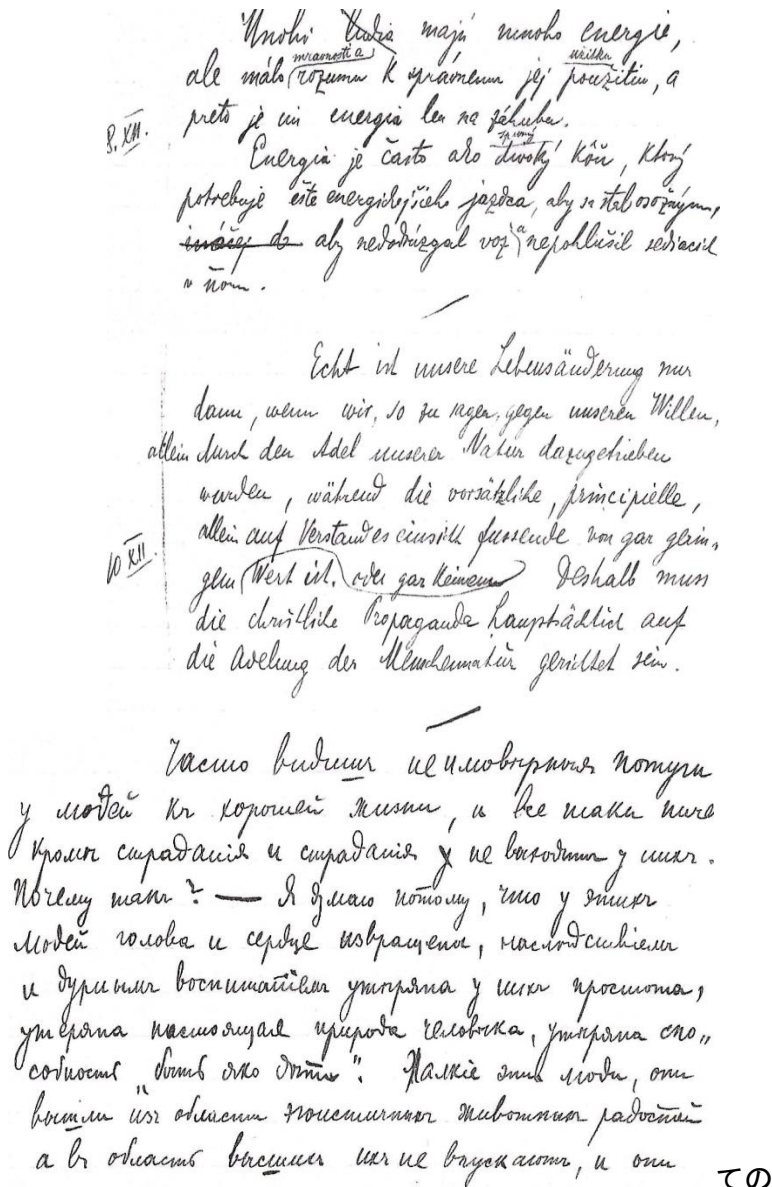
⁴ Роли чешского языка в словацкой культуре и становлении литературного словацкого языка посвящены многочисленные труды, однако данный аспект не входит в область наших непосредственных интересов, поэтому отсылаем интересующихся к соответствующим энциклопедическим изданиям и к специальной литературе по данной теме. Краткий обзор проблематики на русском языке см. в [ТУГУШЕВА 1998].

⁵ Перевод со словацкого автора статьи. В дальнейшем при цитировании дневников будут указываться только номера страниц по данному изданию.

Шкарвана – в моем случае прежде всего с филологической и культурологической точек зрения, чему уже посвящен ряд публикаций [Жорина 2018, 2021, 2022], который будет продолжен и в дальнейшем.

Рис. 2. Стр. 46 из Дневника III (8 и 10 декабря 1901 г.) с записями на словацком, немецком и русском языках.

[Источник: Литературный архив Словацкой национальной библиотеки].

Языки дневников отражают географические перемещения их автора (см. Рис. 3). Сначала Шкарван, воспользовавшись приглашением своего друга, толстовца В. Г. Черткова, эмигрировал в Россию, где вошел в ближайшее окружение Л. Н. Толстого вместе со своим земляком, другом и однокурсником по медицинскому факультету Душаном Маковицким. Поэтому первые дневники написаны практически полностью по-русски лишь с отдельными словацкими фрагментами. В России Шкарван пробыл неполных два года и был выслан из страны вместе со своим другом Чертковым за связь с духоборами. Он перебрался в Англию, где прожил около двух лет. Там он продолжал писать по-русски, но более длительными стали словацкие фрагменты, которые частично перемежались с немецкими. Британская сырость ухудшила его проблемы с легкими, и Шкарван отправился в более благоприятный климат в горы Швейцарии, где жил с 1898 по 1910 годы. Дневники этого периода написаны преимущественно по-словацки, хотя сначала содержат много русских, а под конец – немецких фрагментов. В 1910 году Шкарван вернулся в Австро-Венгрию – в родную Словакию, но по обвинению в панславизме и измене Родине в 1915 г. был арестован, а позже сослан в далекие от его родины провинции на территории Венгрии (Эгер, затем Верпелет), где прожил до 1918 года, когда был наконец полностью реабилитирован. В конце 1918 г. Шкарван окончательно перебрался в Словакию, где прожил остаток жизни уже как гражданин Первой Чехословацкой Республики. В венгерский период дневники написаны в основном по-венгерски, а в последние годы жизни – практически целиком по-словацки.

Всего сохранилось 8 дневников общим объемом 1098 рукописных страниц, начиная с 1896 года с небольшими перерывами вплоть до кончины Шкарвана в 1926 году (см. Рис. 3). Однако в них отражен не только этот период времени: дневники содержат многочисленные воспоминания студенческих, юношеских и даже детских лет. Дневников за промежуточные годы, отсутствующие в рукописи Шкарвана, скорее всего, не имеется – в его архиве нет об этом никаких сведений.

Рис. 3. Доля различных языков в дневниках А. Шкарвана.

№ дневника, период	Основной язык дневника (общий объем в стр.) ⁶	Прочие языки (цельные фрагменты, объем в стр.)	Прочие языки (цитаты и отдельные высказывания или термины)
Дневник I (1896–1897)	русский – 42	словацкий – 5	немецкий, венгерский, английский, французский, латынь
Дневник II (1897–1899)	русский – 54	словацкий – 2	латынь, английский, немецкий
Дневник III (1901–1910)	словацкий – 38,5	русский – 8 немецкий – 2	латынь, чешский, греческий, французский
Дневник IV (1915–1921)	венгерский – 14 ⁷	немецкий – 1	латынь, французский
Дневник V (1921)	словацкий – 19	–	немецкий, латынь
Дневник VI (1921)	словацкий – 17	–	латынь, венгерский, русский, немецкий, французский
Дневник VII (1921–1923)	словацкий – 31	–	латынь, немецкий, венгерский, русский, чешский, английский
Дневник VIII (1924–1926)	словацкий – 60	русский – 2	немецкий, русский, чешский, латынь, венгерский, французский, английский

3. Образы славянских народов в дневниках А. Шкарвана

Как уже упоминалось, Шкарван в своих дневниках неоднократно рассуждает о национальном характере и исторической миссии народов Европы, прежде всего родного словацкого и непосредственно контактировавших со словаками народов, живших с ними в одном государстве – чехов, венгров, немцев, сербов, евреев, а также русских, которые стояли в центре внимания панславистов. Но, конечно, в первую очередь его занимают славяне, их духовный потенциал и христианские ценности. Стоит уточнить, что религия воспринимается Шкарваном не как догма, а как состояние души, поэтому религиозность стоит у него на одном уровне с духовной и душевной зрелостью. Со свойственной ему афористичностью Шкарван отмечает: «Истинная религия – это та, когда человек не сознает, что он религиозен» [164]. Его идеал – истинная религия для всего человечества, и славяне должны стать ее примером.

⁶ Объем записей указывается в печатных страницах по изданию 2019 г. с округлением до полстраницы. Рукописных страниц, конечно, гораздо больше.

⁷ Точности ради необходимо отметить, что в издании произошел технический сбой, и четыре страницы венгерских дневников в оригинале отсутствуют, но в словацком переводе они есть. Объем венгерского текста указан по реальному состоянию в дневниках в пересчете на печатные страницы.

Однако современное ему состояние еще очень далеко от этого идеала. С точки зрения христианских ценностей общая характеристика славян у Шкарвана крайне критична: «Славяне как никто воображают себя добрыми и умиляются своей добротой, все другие народы при этом считая куда хуже себя. Меж тем я не знал народа, где люди друг другу больше бы причиняли страданий, были бы менее внимательны к другому, как именно славяне»⁸ [174].

Поскольку дневники – не ученый труд, а слепок действительности, в них выражены чувства и непосредственные личные впечатления автора, которые важно передать как можно более аутентично. С этой целью позволю себе пространные цитаты из дневников, которые будут в дальнейшем проанализированы и обобщены.

3.1. Русские

Характеристики, которые Шкарван дает русскому народу, двусторонни, поскольку в них выражается и его собственное «я». Они особенно ценны как заинтересованный взгляд не только со стороны, но и изнутри русской жизни, причем глазами славянина, не являющегося приверженцем идей панславизма. Дневники демонстрируют, как восприятие Шкарваном русских, поначалу очень противоречивое, меняется в лучшую сторону только после того, как он окончательно покидает Россию, хотя на протяжении почти всей его жизни остается критическим. Проиллюстрируем эволюцию его взглядов выдержками из дневников в хронологическом порядке.

«Русские – они умные, они чуткие, они одаренные, но характер у них не чистый, не прозрачный. Я всегда страдал в близости с всякими русскими от этой нечистоты, непрозрачности характера ихнего. Друг, недруг твой, все равно – если он русский, способен в такое время, когда вовсе этого не ожидаешь, выкинуть с тобой такую гадость, которая оставит неизгладимые следы в тебе» [174].

«...русских я совершенно не мог принять своим сердцем. Меня шокировало непостоянство их характера. Чуткий вот и хороший человек, а вот неожиданно выкинет такую подлость, что сообразить то трудно. Честности и дисциплины недостает им в характере. И вообще азиатское варварство торчит из каждого русского. Они серьезные и глубоки, напряженно раздумывают, но в то же время темны и бешено фанатичны, тупо последовательны, а в нравственной сфере часто удивительно глупы. /.../ Русского влечет тьма. Меня оскорбляет их характер» [334].

Единственный русский, который всегда остается для Шкарвана светлым идеалом, – это Л. Н. Толстой. Отношения и преемственность между Шкарваном и Толстым – отдельная большая тема, здесь же мы коснемся лишь тех характеристик Толстого, которые Шкарван считает прототипическими, универ-

---

⁸ Курсивом приведены оригинальные русские фрагменты дневников А. Шкарвана, которые не всегда соответствуют грамматике и стилистике современного русского языка (исправлена лишь орфография). Все остальные цитаты приводятся в переводе автора статьи.

сальными для всего русского народа – способности к самоотречению и мягкости: «У Толстого проявлялась та особая русская мягкость, на которую европеец просто не способен, как мне кажется» [453]. Способности же Толстого к самоотречению посвящены многие размышления Шкарвана, интерпретирующего ее на фоне христианских принципов.

С течением времени в характеристике русских как народа появляется все больше положительных черт: «...во многих русских есть много несозревшего, неприятного, грубого, чуждого, однако не забывайте, братья, что это все-таки русские, сыновья великого и благородного народа, гениального и доброго, жертвенного, /.../ которому чужда мелочность» [451]; «Русский – доверчивый человек, большого зла ни в ком не подозревает, с радостью поможет» [453]. Часто положительные характеристики высказываются по контрасту к критике поведения словацкой интеллигенции: «Мне стыдно за наших словаков, глядя, как пренебрежительно и свысока, не по-братски и недостойно они думают о русских эмигрантах и обращаются с ними» [450]. Однако в последние годы жизни Шкарван начинает идеализировать русский народ, возвышая его почти до уровня своего кумира Толстого – как в обыденных проявлениях, так и в философских обобщениях: «Даже самому Канту не хватило смелости вцепиться ни в империю и государство, ни в церковь и бюрократию. На сцену должны были выйти полуварвары, но ничем не связанные, свободные и смелые в своих мыслях и чувствах славяне, а именно русские, которым не импонировала западная культура и которые своим чистым пронизательным взором смогли увидеть реальность, утаиваемую и не замечаемую Западом. Прежде всего своей безоглядной самокритикой русские открыли новый мир, о котором Европа доселе не слыхала. Русские достигли такой глубины души человеческой, о которой европейцы даже понятия не имели» [496].

Отношение к русским обусловлено взглядами Шкарвана, его приверженностью к учению Л. Н. Толстого. Характерно, что – вопреки идейной полемике с Толстым и критическим высказываниям о его общественно-политической деятельности – русский писатель неизменно остается для Шкарвана духовно-нравственным идеалом и воспринимается как носитель самых положительных качеств русского народа, как лучший его представитель.

3.2. Словаки

К рассуждениям о словацкой ментальности Шкарван возвращается постоянно, что естественно для патриота, вынужденного эмигрировать в период подъема национально-освободительного движения и ожесточенных споров по «словацкому вопросу», когда решалась судьба международного признания словаков как нации или причисления их к чехам как придатка – экономического, культурного и языкового. Сам Шкарван, правда, понятия «патриот» не признает и себя таковым не считает.

В характеристике родного народа у Шкарвана переплетаются критический самоанализ и романтическая идеализация. То он говорит, что «к нам в Словакию будут приезжать учиться культуре, ибо пребогато сердце словака» [272],

то указывает на «дрожущий характер» словаков [354], то подчеркивает их завистливость: примечательно высказывание о том, что выдающемуся человеку, который во всем на голову выше своего окружения, «с радостью срубили бы голову, чтобы сравнить его с собой» [266]. Сам он также рефлексирует по поводу зависти, пытаясь разобраться, откуда она берется: одна из его дневниковых записей озаглавлена «Почему чувство зависти?» [326]. Дневники Шкарвана подтверждают, что зависть занимает одно из центральных мест в национальном автостереотипе словака: хотя эта черта стала предметом научных исследований относительно недавно [MATIOVÁ 2016, КОРИНА 2019], она ярко прослеживается в словацкой литературе и публицистике и постоянно проявляется как в бытовом общении, так и в материалах печати, национального корпуса словацкого языка, соцсетей и интернета [обзор см.: КОРИНА 2019].

Особенно интересны пассажи, в которых Шкарван сравнивает словаков с русскими, поскольку именно в них становится очевидной его иерархия ценностей. То, что для русского – верность идее и героизм, для словака Шкарвана – тупое упрямство и слепой фанатизм. Положительно преподносятся словацкие податливость и лояльность, которые в глазах русского скорее были бы оценены как угодничество и бесхребетность. С точки зрения цельности характера словаки предстают в глазах Шкарвана более глубокими и последовательными натурами, в отличие от склонных к крайностям, нестабильных русских. Даже недостатки словаков, преподнесенные в контрасте с ментальностью русских, у Шкарвана превращаются в достоинства:

«В словацком характере намного превышает все остальное эгоизм, однако наши легендарные мужество и скромность укрощают этого хищника настолько, что он и близко не выглядит столь опасным и противным, как альтруизм русских вкупе с отсутствием чувства меры, бестактностью и их татарским произволом» [174].

«Набожность русского всенепременно аскетична. Словак, будучи не менее набожным и самоотреченным, чем русский, не знает аскетизма. Это признак большего совершенства, большей тонкости духовного характера у словака» [242].

«Особенная и редкостная черта словака – детскость его характера, свойство во многих смыслах более ценное, чем мудрость» [265].

«Словак не может совершить подвиг лишь ради чистой истины, будучи инстинктивно чрезвычайно осторожным к неправости (zu allen Unächten); такие поступки, как отправиться в Сибирь за два пальца, совершить самосожжение ради паспортов и бесконечная череда подобных героических деяний, которыми Русь издревле и по сей день так богата, словацкой душе совершенно чужды. Развитие словака в его продвижении к истине совершенно иное, нежели у русского, оно несравнимо более мягкое, скромное и скрытое. Однако убедиться в том, что оно является качественно гораздо более ценным, можно, если посмотреть на тех и других и сравнить практику жизни, то есть жизни частной и повседневной. Меня всегда удивляли грубость, неотесанность, славянская неуклюжесть русских в начинании и решении христианских вопросов. Русские нашумят, нагрянут, набедокурят, все испортят, а если и сделают, то,

боже мой, как безвкусно это сделано там, где словак только раз присмотрится, стукнет молотком – и оно уже держится на века!

Никто не работает с такой огромной избыточностью и потерей сил, материала и времени, как русские. Русский только тогда человек, когда он освободится от 95% своей русскости» [252–253].

Именно благодаря (или вопреки?) большей исторической «униженности и оскорбленности» Шкарван видит у словаков гораздо больший потенциал духовного развития по сравнению с русскими: «Словак вследствие своей мягкости, скромности и боязливости не умеет и не может бороться с препятствиями, поэтому ему остается только одно – подняться до такой высоты духа, где все препятствия сами собой отпадут, к чему у него есть большие предпосылки от Бога» [250]. В этом смысле Шкарван считает преимуществом отсутствие у словаков патриотизма как национального качества, причем и здесь проводит параллели между разными славянскими народами: «Словак – не националист и не патриот, слава Богу! Словак слишком добр, чтобы быть патриотом. Патриотизм – эгоистичный, недоброжелательный, нечеловечный и абсолютно нехристианский. Непатриотичность – характерная особенность словацкой души. Русские – тоже не патриоты, однако, кажется мне, не на такой чистой основе, как словаки. Все остальные славянские народы – чехи, поляки, сербы, хорваты, черногорцы – патриоты и гордятся своим патриотизмом, готовые во имя его *на драку и смерть*. Словакам нечего бояться, стесняться или стыдиться этого кажущегося недостатка, который на самом деле является достоинством» [469]. С точки зрения Шкарвана патриотизм несовместим с истинным христианством, в котором любовь и все помыслы человека должны быть обращены лишь к Богу – без остатка. И в этом аспекте словаки имеют, по его мнению, значительное преимущество перед другими народами, поскольку для обращения к Богу им не придется подавлять в себе патриотизм, которого у них нет.

С одной стороны, прожив более 20 лет в Словакии, на протяжении которых я целенаправленно собирала материалы о ментальности и языковой картине мира словаков, а с другой стороны, изучив дневники Альберта Шкарвана, позволю себе сделать вывод, что словацкий «дрожащий характер» проявился даже в определении Шкарваном христианской миссии словацкого народа: перевозно моральные качества словаков и неоднократно повторяя, что у них есть все предпосылки «возвыситься к Богу», ибо «народ наш имеет к тому особые способности, имеет к тому талант, имеет к тому хороший фундамент в своем долгом историческом опыте покорности, добродетели и честного трудолюбия» [472], он тем не менее не отваживается назвать словацкий народ богоизбранным, а его предполагаемую роль – великой миссией, хотя на это и намекает. Не зря сами словаки называют себя «кротким», «голубиным» народом – такая самопрезентация присутствует на всем протяжении словацкой истории и часто встречается в художественной литературе (ср. [PEKAROVIČOVÁ 2000, URBANCOVÁ 2012]). Образ словацкого народа как кроткой овечки Альберт Шкарван иронически воплотил в одном из своих афоризмов: «Овца нужна

для того, чтобы волк разодрал ее и сожрал – думает волк и злится на нее за то, что она не разделяет его мнения» [468].

Есть у него и резкие самокритичные высказывания, как, например, в записи от 13.03.1901: «Я чрезвычайно склонен критиковать, строго судить людей, оклеветывать их. Хотя я и делаю это не со злого умысла, но все-таки делаю, и мне тяжело от этого отвыкнуть. **Это у словаков в крови**» [240, выделение наше – Н. К.].

Отдельная тема, красной нитью проходящая через дневники – проблема алкоголизма, в которой Шкарван видит угрозу будущему словацкого народа: «Алкоголь – та цепь, на которой водят рабов, тот аркан, который бросают людям на шею, чтобы они лишились своей свободы. /.../ Алкоголь – в сотни и сотни раз более опасный враг Словакии, чем мадьяризация» [267].

В последний год жизни Шкарван сделал запись, которую потом перечеркнул и поместил на полях примечание, что надо бы выразиться более аккуратно: «Народ, в котором я рожден и к которому принадлежу, словацкий народ, живущий – хочется мне сказать – в центре Европы, является настолько беспримерно отсталым и в своей отсталости настолько убаюканным и удовлетворенным, что просто срам! Самый фанатичный, средневековый, черный католицизм, ортодоксальное лютеранство, наивный гурбановский панславизм, обильно политый самогоном, вином и пивом, – это духовный уровень словаков! Не стыд ли это, не унижительная ли душевная болезнь именно сегодня, когда даже негры уже давно проявляют более высокое чувство культуры, не позорно ли быть настолько необразованным народом? Никаких значимых усилий к обновлению, никакой тоски по европейской культуре, никакой жажды высшей духовной жизни, а наоборот – консервация отживших взглядов, защита, как от злой простуды, от любого влияния современных мыслей и направлений» [481–482]. Однако подобных высказываний у него очень и очень немного...

3.3. Чехи

Примечательно, что «братский» чешский народ Шкарван ставит на одну доску с имперскими гегемонами его времени – немцами⁹ и венграми, которые несмотря на призыв к христианской любви классифицируются как враги: «Любите врагов ваших, то есть немцев, чехов, венгров...» [353]. Причин тому множество, однако их перечисление с объяснением специфики ситуации потребовало бы отдельной статьи¹⁰, поэтому мы ограничимся цитатами из дневников Шкарвана с минимальными необходимыми комментариями.

Наиболее емко суть проблемы чешско-словацких отношений выражена в следующем высказывании:

«Чехам было у себя тесно, они были голодны, поэтому они сознательно и сложным путем прибрали к рукам Словакию. Это лишь лицемерные фразы,

⁹ Характерно отсутствие различия между немцами и австрийцами – они воспринимаются как один народ.

¹⁰ Интересующихся отсылаем к соответствующим энциклопедическим и историческим источникам по истории и взаимоотношениям Чехии и Словакии. В общем плане сравнение развития государств см. [KUŠEROVÁ 2015].

когда они говорят, что хотели освободить словаков. Под этим лицемерным предлогом сильные всегда прибирают к рукам слабых. Мы были для них наиболее легкой добычей, поэтому они выбрали нас» [380].

Характерно и то, в каких случаях Шкарван пользуется чешским языком в своих дневниках: чаще всего он приводит чешские общественно-политические лозунги и популярные высказывания только для того, чтобы подвергнуть их уничижительной критике. Вот одно из таких высказываний:

«Нас, словаков, привыкли (особенно чехи) жалеть как бедный народ, но такую нищету, какая ходит по пражским улицам, у нас в Словакии ни один нищий даже представить себе не может. У нас бедность и нищета совершенно не являются отверженными у народа; наша бедность в целом достойна, набожна и часто высоко нравственна, а изгоями у нас являются, скорее, те богатые псевдообразованные люди, на которых обычно указывают как на тех, стараниям которых нужно следовать. Нашему народу чужды лозунги типа «V bohatstve sila», «svůj k svému»¹¹ и т. п. /.../ Бедность в Словакии – истинное украшение человека и не имеет ничего общего с чешской «голытьбой» и несчастными обитателями уайтчепельских ист-эндских трущоб¹²» [244–245].

Шкарван всячески подчеркивает меркантильность чехов, их ориентацию на материальные ценности и скептицизм в вопросах культуры, в связи с чем иронически замечает по адресу своего друга Душана Маковицкого, не понявшего истинного масштаба толстовского гения, что он «...настоящий чехословак /.../, воспитанник Праги, а потому с неразвитым чувством мировой гениальности...» [485]. Шкарван корит чехов и за патриотизм, который считает явлением ярко социальным и поэтому несовместимым с христианством: «Патриотизм – это тяжелая и опасная болезнь, заблуждение, которым чехи охвачены больше, чем наши словаки» [357].

«Чехи любят козырять прошлым Чешских братьев в своей истории. Им есть чем гордиться, однако нынешние чехи забывают, да и не хотят знать то существенное, на чем было основано братское движение: Хельчицкий отвергал войну, он отвергал суды и принцип насилия, т. е. все то, на чем была основана и зиждется до сих пор власть церкви, на чем основывались и основываются по сей день господствующие классы человеческого общества. Чешское братство было учением *par excellence* антигосударственным /.../ в том смысле, что христианин сам может разумным и добрым путем, без какого бы то ни

¹¹ «В богатстве сила», «свой к своему» (чеш.).

¹² Район Уайтчепел (Whitechapel), находящийся в центре лондонского Ист-Энда, был в XIX в. нищим криминальным кварталом, в котором процветала проституция и который стал печально известен в истории – именно там орудовал серийный убийца Джек-Потрошитель. Нищета в нем была вопиющей. В другом месте Шкарван развивает эту идею, говоря, что словацкую бедность по сравнению с западной (английской и американской) можно назвать богатством, потому что «у нас никто, даже последний нищий, не теряет связи с природой и людьми, т. е. не лишен нравственных основ жизни, как у них. У них нищета действительно страшна, у них нищий всеми отвержен, он изгой общества, а у нас именно в нищете живет дух Божий» [274].

было насилия организовать все свои частные и общественные дела. С христианской идеей не может сравниться не только габсбургская власть, но и как раз таки наша нынешняя чехословацкая республиканская, о чем, конечно, наши коммерчески ориентированные патриоты даже слышать не желают» [376].

Окончательный «приговор» чехам Шкарван вынес в конце 1925 года, суммировав свои наблюдения над Первой Чехословацкой Республикой, в которой ему довелось прожить 8 лет:

«Чехи разочаруются в своей республике. И культ Масарика тоже закончится. Обе эти вещи – лишь игрушки, на которые жаль было тратить столько труда и энергии. То, что они сейчас делают, – это не прогресс, а регресс, отсталость. Лишь времена Гуса и Чешских братьев, могучий почин Хельчицкого – действительно значительные и великие факты в истории чешского народа. Они это правильно чувствуют, однако все еще не могут понять всю глубину и важность той эпохи. Сегодня это для них лишь исторический декор, они полагают, что их нынешнее положение – нечто более высокое. Однако действительность такова, что **нынешние чехи мертвы, потому что они живут только материальным и государственным, у них нет ведущего идеала** (выделение наше – Н. К.). Тот путь, на котором чехи сегодня стоят и по которому идут, – это дорога в неизвестное, они не знают, куда она ведет. Идти по этому пути – сумасшествие» [448].

Единственный чех, о котором Шкарван неизменно отзывается с глубочайшим уважением, – это младший современник Яна Гуса, основатель движения Чешских братьев Петр Хельчицкий, который был своего рода идейным предшественником Толстого и еще 500 лет назад «провозглашал великий принцип Христа: не отвечать насилием на насилие», хотя этот принцип «был настолько чужд и далек для жестокого средневековья, что был сочтен за наивный и глупый и не воспринимался серьезно» [332], и это было единственной причиной, почему Хельчицкий, в отличие от Гуса, не вступил в серьезный конфликт с властью. По крайней мере, так это выглядит в интерпретации Шкарвана.

3.4. Сербь

Сербов Шкарван упоминает в основном в связи с началом и эскалацией Первой мировой войны в их противостоянии армии Венгерской Короны, однако неизменно подчеркивает их самоотверженность и героизм. С точки зрения венгерских монархистов сербы были бунтарями и предателями и воспринимались однозначно как враги, однако простые венгры, так же, как и словак Шкарван, который работал врачом в венгерской провинции, по-человечески сочувствовали сербским пленным, а некоторые представители венгерской интеллигенции им симпатизировали.

«Первый раз в жизни я встретил венгра, эгерского адвоката Шандора Бабочай, который вопреки тому, что он истинный патриот и чистый венгр, очень объективно, правдиво и честно оценивал ситуацию в стране. Резко и четко он сказал, что демарш сербов против монархии был безрассудным вызовом, вынужденным предлогом к войне и беспримерным унижением, что победа сер-

бов над монархией принесет им вечную славу, что народы в Венгрии угнетаются, и это несправедливо с политической и человеческой точек зрения, а потому должно радикально измениться и т. д.» [327].

Как наиболее яркие черты сербского народа преподносит Шкарван национальную гордость и патриотизм, иллюстрируя это случаем, рассказанным очевидцем – венгерским офицером. Когда в Новом Саде судили группу сербских военных, среди пленных была необычайной красоты девушка, которую судили за то, что она с балкона бросила на гусарского офицера гранату. Судьи пытались сохранить красавице жизнь и подсказывали ей, что нужно говорить, чтобы ее освободили, задавая наводящие вопросы – в частности, что она это сделала ненамеренно, что, возможно, гранату с балкона бросил кто-то другой и т. п. Но девушка решительно отвечала, что она намеренно бросила гранату, потому что венгры очень жестоко обращались с сербами. Финал этой истории Шкарван передает с явной симпатией к стойкости и непреклонности сербской девушки: «Тогда судья сделал последнюю попытку спасения и спросил у нее: „Вы были очень возбуждены, правда? Кто-то принуждал вас, и теперь вы сожалеете о содеянном и никогда ничего подобного не совершили бы?“ „Если бы мне из-за этого пришлось не раз, а десять раз принять смерть, десять раз я снова сделала бы это,“ – ответила девушка. После этого ее повесили – так же, как и остальных» [323]. Конечно, в ситуации войны трудно ожидать симпатий в противостоящих лагерях, но в человеке всегда сохраняются человеческие чувства, которые проявляются даже в самые напряженные моменты. Только в данном случае это ситуацию не изменило. К сожалению, наиболее жестокие конфликты всегда случаются между соседями, которым всегда есть что делить...

Как и в последнем примере, характеристика славян часто дается у Шкарвана через отношение к ним венгров, среди которых он жил и работал, и чаще она бывает отрицательной, особенно по отношению к славянам-военнопленным. Стоит, однако, отдать должное философскому подходу Шкарвана, который в историческом противостоянии венгров как народа правящего и словаков как народа угнетенного не видел никакого смысла, как и в любом другом общественном противостоянии: «Источник и причины рабства людей скрыты в них самих, а не вовне их, не в других людях, поэтому глупо, когда социалисты злятся на капиталистов, а капиталисты на социалистов; глупым был гнев словаков против венгров. /.../ Раб и тиран – всего лишь два конца одной палки, и раб так же виновен в рабстве, как и деспот...» [336].

4. Заключение

Из рассмотренных характеристик славянских народов следуют, с одной стороны, активный интерес Шкарвана к судьбе славянства и вера в его христианское предназначение, а с другой стороны, критически-недоверчивое отношение к ближайшим соседям – чехам и неоднозначное отношение к русским, в котором сочетаются восхищение их великодушием и смелостью и возмущение их грубостью и склонностью к крайностям. В меньшей степени, но с большой симпатией представлены сербы, с которыми у Шкарвана практически не

было личных контактов. Образ собственного народа – словаков – получается у Шкарвана скорее критическим, чем хвалебным, однако даже критические замечания у него оправдываются высокими моральными качествами словаков, в которых он абсолютно убежден.

Получается чрезвычайно любопытная картина: говоря открытым текстом о боязливости, неспособности бороться, излишней податливости, эгоизме и клеветничестве словаков, Шкарван извиняет их, подчеркивая, что им от Бога даны способности к духовному развитию и внутреннее достоинство. Характеризуя русских как людей талантливых, смелых, умных, Шкарван тем не менее порицает их за максимализм, грубость и непредсказуемость. Напрашивается вывод: свой народ Шкарван оценивает на уровне чувств, а чужой – на уровне разума. Применительно к своему народу разумная, сознательная оценка вторична, и это неудивительно: человеку тяжело объективно и отстраненно воспринимать то, к чему он непосредственно причастен, в чем живет. Дневники Шкарвана уникальны как раз тем, что он не только делает такую попытку объективной оценки, преодолевая свои эмоции, но и пытается в христианстве найти общий знаменатель для столь разных народов: «Все люди никогда не уравнились бы между собой, лишь любовь к Богу может сделать равными всех» [241].

Альберт Шкарван, живший в нескольких государствах при разных режимах, с течением времени все более укреплялся в своем христианском мировоззрении, что вылилось у него под конец жизни в яркий призыв: «Давайте не будем смотреть на то, каковы другие вокруг нас, посмотрим лучше на то, какими должны быть мы сами без оглядки на других. Другие люди по сути своей такие же, как мы – хрупкие, хорошие и плохие. Давайте же все помогать друг другу, служить примером – ведь все мы ничтожны и нужны друг другу. Давайте не будем делиться на таких и сяких, на чехов и словаков, евреев и венгров, человеческих и бесчеловечных. Все мы люди, так будем же все братьями!» [336]. С общечеловеческой точки зрения этот призыв актуален всегда.

Образы славянских народов, которые мы попытались воссоздать по дневникам А. Шкарвана, закономерны не только с исторической, но и с культурной точки зрения. Независимо от личных взглядов автора они получились такими потому, что кроме факторов общественно-политического и культурного доминирования других народов над словаками в разные периоды истории (что, естественно, воспринималось отрицательно), сложившиеся у Шкарвана мнения во многом обусловлены самим словацким менталитетом, для которого характерны недоверие и критический подход ко всему – и своему, и чужому, а также вездесущая зависть, о которой уже говорилось выше. Указанные черты словацкой ментальности сформировались, как нам представляется, именно в силу длительной угнетенности народа, поскольку данный тип менталитета характерен для этносов с подобными историческими судьбами – особенно если народ веками не имел своей государственности. В этом кроется, по всей видимости, и причина настороженного отношения словаков к чехам, которые постоянно подозреваются ими в стремлении использовать словаков в своих

интересах. «Комплекс младшего брата» – частое явление у генетически и исторически близких народов, которое можно проследить на всех уровнях жизни этноса, в том числе языковом. Дневники А. Шкарвана это подтверждают.

Рассмотренные фрагменты – лишь часть обширного литературно-полемического наследия А. Шкарвана, однако по ним можно составить представление об общественно-политической и духовной жизни в Европе рубежа веков и о восприятии представителями словацкой интеллигенции остальных славянских и других европейских народов. Эти ценные материалы заслуживают более глубокого изучения, что является нашей целью в ближайшем будущем.

Источник:

ŠKARVAN, A. 2019: Denníky 1896–1926. Na vydanie pripravil Augustín Maťovčík. Martin: Slovenská národná knižnica [The Diaries 1896–1926].

Литература:

КОРИНА, Н.Б. [KORINA, N.] 2018: Интерпретация толстовской философии в дневниках словацкого толстовца Альберта Шкарвана // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. Том 1. [Interpretation of Tolstoy's philosophy in the diaries of Slovak Tolstoy Albert Škarvan // Humanity news of TGPU. Part 1] 2018/3: 135–150. DOI 10.22405/2304-4772-2018-1-3-135-150.

КОРИНА, Н.Б. [Korina, N.] 2019: Аксиологическое значение зависти в словацко-русском сопоставлении // Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowianów i ich sąsiadów: Jedność w różnorodności. Wokół słowiańskiej aksjofery. Band 6. Eds. S. Niebrzegowska-Bartmińska, D. Pazio-Wlazłowska. Lublin: UMCS [Axiological meaning of the concept envy in Slovak language in comparison with Russian // The values in the language and cultural worldview of the Slavs and their neighbors. Eds. S. Niebrzegowska-Bartmińska, D. Pazio-Wlazłowska. Lublin: UMCS] 359–372.

КОРИНА, Н.Б. [Korina, N.] 2022: Картина мира словацкого толстовца Альберта Шкарвана // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира X. Москва–Северодвинск: Северный (Арктический) университет [The worldview of Slovak Tolstoy Albert Škarvan // Problems of reality's conceptualisation and language worldview modelling X] 96–109. DOI 10.52376/978-5-907419-66-7.

ТУГУШЕВА, Р.Х. [TUGUSHEVA, R.] 1998: О взаимодействии чешского и словацкого языков в период образования литературного словацкого языка (на материале частной переписки) // Славянские литературные языки эпохи национального возрождения. Москва: Российская академия наук, Институт славяноведения [On the intercourse of the Czech and Slovak languages in the period of the formation of the Slovak standard language (according to the data of private correspondence) // Slavic standard languages in the epoche of national renaissance. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Slavic Studies] 167–176.

KOLAFA, Š.J. 1969: Albert Škarvan o slovenské otázce v knize „Slováci“ // Literárny archív 1969. Martin [Albert Škarvan about the Slovak question in his work “The Slovaks” // Literary archive 1969]: 177–235.

- KORINA, N. 2021: Význam Denníkov Alberta Škarvana pre výskum multilingválnej osobnosti // *Slavica Nitriensia. Časopis pre výskum slovanských filológií* [The importance of the Albert Škarvan Diaries for the study of multilingual personalities // *Slavica Nitriensia. A Journal of the Slavic Studies*] 2021/2: 16–31.
- KUČEROVÁ, I. 2015: *Střední Evropa. Komparace vývoje středoevropských států*. Praha: Karolinum Press [Central Europe. A comparison of the development of Central-European states].
- МАТЮВÁ, М. 2016: *Obrazné prostriedky v masmédiách (z aspektu kognitívnej lingvistiky)* Nitra: FF UKF (dizertácia Ph.D.) [Means of expression in the mass media (from the point of view of the cognitive linguistics). Nitra: FF UKF (Ph.D. Thesis)].
- МАТЮВЧИК, А. – СHМЕL, R. 1977: *Život je zápas. Vnútorná biografía Alberta Škarvana*. Martin: Osveta [Life is a battle. Internal biography of Albert Škarvan. Martin: Osveta].
- МАТЮВЧИК, А. 2014: *Svedectvo denníkov o osudoch Alberta Škarvana* // *Biografické štúdie* 37. Martin: Slovenská národná knižnica – Národný biografický ústav [The diaries' witness about Albert Škarvan's destiny // *Biographical studies* 37] 52–80.
- МАТЮВЧИК, А. 2017a: *Albert Škarvan a Svetozár Hurban Vajanský* // *Biografické štúdie* 40. Martin: Slovenská národná knižnica – Národný biografický ústav [Albert Škarvan and Svetozár Hurban Vajanský // *Biographical studies* 40] 58–61.
- МАТЮВЧИК, А. 2017b: *Denníkové zápisy Alberta Škarvana z ostatných rokov života (1924–1926)* // *Biografické štúdie* 40. Martin: Slovenská národná knižnica – Národný biografický ústav [The Albert Škarvan's diary notes from his last years (1924–1926) // *Biographical studies* 40] 89–149.
- PEKAROVIČOVÁ, J. 2000: *Budovanie reálneho obrazu Slovenska. Strasti a slasti prezentácie nášho jazyka v zahraničí* // *Slovo* [Creating a real picture of Slovakia. Sorrows and joys of the presentation of our language aboard // *The Word*] 2000/2–43: 10.
- URBANCOVÁ, L. 2012: *Rozvoj kultúrnej kompetencie pri výučbe slovenčiny ako cudzieho jazyka* // K. Jarzabek, A. Ruttar, S. Sojda (eds.). *Spotkania między kulturami. Tom II. Językoznawstwo. Glottodydaktyka*. Katowice: Gnome [The development of cultural competence by the learning Slovak as Foreign Language // K. Jarzabek, A. Ruttar, S. Sojda (eds.). *Intercultural meetings. Part II. Linguistics. Glottodidactics*]: 217–225.

Наталья КОРИНА
Институт славистики Венского университета
Вена, Австрия
natkis2007@yandex.ru
ORCID 0000-0002-2809-1480

